

Булгаков Сергей

У СТЕН ХЕРСОНИСА^ш

Участвующие:

Беженец, Светский богослов, Ученый иеромонах, Приходский священник.

(Лунная ночь в Крыму у Черного моря, близ херсонисских раскопок, ввиду Херсонисского монастыря. Вдали очертания мыса Фиолента, по преданию — места жертвенника Артемиды.)

Светский богослов (раздумчиво): Какая святая земля. Даже страшно ступать по ней. Во всей России нет места более древнего и священного. Здесь залегло несколько пластов античной культуры перед нами вскрытых, здесь и родилась духовно наша родина, в этом храме хранится купель святого Владимира. И как трудно связать эти истоки России с теперешним потоком грязи и крови...

Беженец (медленно): Да, тут говорят самые камни, и это молчание веков полнозвучное всего теперешнего гама. Оно повелевает внять ему... Таинственная воронка, которая ведет в центр земли, для России находится здесь, и, вопреки вам, одна только мысль и владеет теперь моим сознанием, что только здесь и отсюда можно уразуметь происходящее... Ключа к трагедии России надо искать не в Петербурге, не в Москве, не в Киеве, но... в Херсонисе: здесь совершился “пролог в небе”, и “потоп”, как вы выразились, предопределен был тоже здесь.

Светский богослов (раздраженно): Я знаю, что вы вообще любитель парадоксов и всегда находитесь в погоне за острыми умственными ощущениями, не удивлюсь, если и в данном случае услышу какое-нибудь “новое слово” о вашей раздранной России, так легко о ней острословить, да еще безответственно.

Беженец: Вы рассердились на меня, не выслушавши. А что же, если новое время и новые события требуют на самом деле новых слов и новых мыслей? И я действительно чувствую всем своим существом, что не в юном Петрограде, не в новой Москве, не в молодом Киеве, вообще не в местах последовательного жительства исторического новорожденного, постепенно подраставшего, можно увидеть его звезду, но именно здесь, у этих древних стен Херсониса. Все это так таинственно, что кружится голова и порою теплится сознание: здесь ли, в этом ли мире мы находимся?

Светский богослов (ворчливо): Обычное сгущение атмосферы и мистической фразеологии: очевидно, подготавливается умственная пикантность или идейный трюк... Происходящее в России насквозь понятно и отнюдь не требует археологических путешествий под Херсонис или ночных поездок верхом на помеле к Фиоленту. Здесь приятно погулять при луне, полюбоваться развалинами и подышать морским воздухом, но и только: археология не станет историей. Теперешний кризис России есть банкротство петербургского периода русской истории с его исконным русским началом: интеллигентщина, протестантизм, абсолютизм. Медный Всадник — вот и загадка, и разгадка теперешнего кризиса России.

Беженец: Стало быть, духовное возвращение в старую Москву, реставрации, исторический рецидив — в этом вы все еще видите спасение. К счастью или несчастью, рецидив в истории не возможен, и теперь мы вернулись не в Москву “Третьего Рима”, но “Третьего Интернационала”, — поучительное и многозначительное сопоставление...

Светский богослов: “Третий Интернационал” это преходящая болезнь, которая завтра перейдет и забудется, а основа русской исторической жизни — русское Православие — есть и пребудет и новым воссияет светом в будущей новомосковской Руси. А вашу мысль я продолжаю не понимать: причем здесь Херсонис, кроме, конечно, того, что он сейчас представляет для нас такую художественную раму для морского вида и, конечно, есть место священных воспоминаний...

Беженец: Не рама и место воспоминаний, Херсонис есть для нас самая живая современность, здесь шевелится конец исторической цепи, которая кончается нашими днями, здесь она начинается и мистически прикреплена. Нужно понять русский кризис не из Петрограда, не из Москвы, не из Киева даже, понять его нужно из Херсониса.

Светский богослов: Ха-ха-ха! Корни большевизма в Херсонисе. Не чрезмерно ли это даже и для нашего остроловца.

Беженец: Не будем сразу же вульгаризировать мысль. Большевизм духовно есть *quantite negligeable*, историческая грязь и муть или, самое большее, симптом, хотя, конечно, очень важный и выразительный, исторического кризиса России. А самый кризис надо понять из Херсониса — или же совсем его нельзя понять.

Светский богослов: Хотя теперь приходится приноравливаться ко всяким новинкам, но я ничего не понимаю.

Беженец: Согласитесь, однако, что теперь переживаемый кризис по своему объему, смыслу, значению представляет собой самый глубокий во всей русской истории. Эта история знала, конечно, ряд исторических кризисов, из которых каждый наступал тогда, когда изживалось какое-либо историческое начало жизни и история мучилась новыми родами. Все эти кризисы, но общему свойству нашей истории, были страшны, кровавы, дики. Но они были ограничены. Таким кризисом было татарское нашествие, которое было облегчено и усилено удельными распрями: тогда была угроза физическому существованию России, но и только, духовный организм оставался почти незатронутым, и иго было сброшено при наступлении времени. Второй кризис — Смутное время, испытание новой московской государственности, сочетавшей самый свирепый деспотизм с византийскими преданиями и притязаниями, это был кризис Москвы как “Третьего Рима”. Однако, как ни оказался он глубок и продолжителен благодаря широте социального брожения, он был кое-как преодолен, если не изжит. Политический наш челн заштопали, и он еще проскрипел около века: место старомосковских царей, собирателей Руси, заступили Романовы, ничем в существе от них не отличавшиеся. Новый, гораздо более страшный кризис, не только политических, но и религиозно-культурных основ России наступил с Петра Великого, точнее, при Петре, ибо, конечно, великий преобразователь его не выдумал, только выявил. Медный всадник совершил европеизацию России, как умел и фактически разрушил “Третий Рим” — просто его покинув. И русская жизнь повисла над пропастью, как конь его всадника, готовая ринуться туда. И вот теперь она ринулась и сорвалась... Но откуда она ринулась, какова эта скала, на которой она утверждалась и стояли задние копыта медного коня? Да она и есть меловая скала вот этого самого Херсониса, где мы с вами находимся, здесь кратер вулкана русской истории, отсюда расходятся и волны русского землетрясения.

Светский богослов: Ничего, ничего, ничего не понимаю в этом словоизвержении неохерсонисского кратера... Знаю твердо одно, что здесь, где вы видите вулкан, воссиял свет христианской веры для русского вождя, а в лице его для всего русского народа. Здесь для него воздвигнута лестница к небу, здесь Руси чистая купель, здесь духовная колыбель русского народа. Отсюда началось для него историческое бытие, из варварского, дикого, свирепого, наводившего ужас на все соседние народы, а в том числе и на византийцев, которые не раз спасались ведь чудом милости Божией от русского огня и потока, родилась “святая Русь”, воссияло русское царство. В этом смысле только и могу еще понять вашу мысль, что отсюда идут корни всего благого, творческого, оживотворяющего в нашей истории. А иных сил, кроме религиозных и христианских, она, конечно не знала и не знает.

Беженец: Кажется мы начинаем приближаться к взаимному пониманию. Согласимся, что великие события должны иметь и великие причины, из которых они только и становятся понятны; осмысливается для нас трижды величайшее, это есть кризис всей русской истории, какого еще не было за все время существования всего русского народа. А если только согласитесь со мною в этой оценке происходящего, его важности и удельного веса, то неизбежно станете искать для него объяснение только в самых исходных началах истории, то есть в Херсонисе. Всякое другое объяснение будет мало и недостаточно перед грандиозностью совершающегося: кризис Петровской России, кризис монархии, кризис социальный и прочее — все это малость, которая не могла бы породить происходящего. Вы знаете поверие, что в колыбель новорожденному феи кладут свои подарки, и разные это бывают подарки. Астрологи учат, что в момент рождения

соединяются благие и злые лучи светил в данной их констелляции. И Русь при крещении получила свои дары вместе с излучениями созвездий. Вот и надо всмотреться в эти исторические дары, что они в себе содержат.

Светский богослов: Это ясно, что здесь получила Россия: она получила чистое, святое Православие от его родины, вместилища и хранилища — от Византии. Чистота веры — вот наши колыбельные дары и вот наше созвездие. Ни один народ не получил при рождении столь, прекрасных, чистых и ценных даров. Но поскольку сейчас в России происходит кризис веры, стало быть христианства, постольку, пожалуй, и возможно говорить о кризисе Херсониса, но это есть вместе с тем и кризис жизни, ибо твердо верю, что нехристианская Россия исторически существовать не может и не будет: поэтому ей надлежит или преодолеть эту смертельную болезнь, изжить свой кризис, или исторически умереть.

Беженец: Иначе говоря. Вы говорите о кризисе России, а не Херсониса, а я же разумею вполне точно и ясно кризис именно Херсониса, то есть херсонисских начал, а не самой России. Должен вам сказать, что хотя много богоборческого, а еще более просто скотского обнаружила “великая” русская революция, но кризисом христианства вообще, ни даже кризисом русского христианства она не является: слишком много чести для нас, и хотя другие, предшествовавшие революции не проявляли такой зверинности во всем, а в том числе и в отношении к вере, но по существу они были духовно куда ядовитее и, конечно, сильнее. А потому я не могу видеть и смертельной опасности в этих острых пароксизмах звериного бешенства у народа, в котором всегда жил этот зверь. Стихийной, зоологической силой перепрет он и через революцию. Весь вопрос в том, будет ли у него духовная основа для новой жизни. А вот эти-то основы явно изветшали. Это я и зову кризисом Херсониса.

Светский богослов: Вот этого-то вашего разграничения я не понимаю и не принимаю. Кризис христианских начал в русской истории, насколько о нем можно говорить, есть кризис самого христианства в его чистоте, ибо иного христианства, кроме херсонисского, то есть православного, греко-российского, я не знаю.

Беженец: Стоя на такой точке зрения, вы неизбежно должны видеть в русской революции одно только богоотступничество и никаких положительных начал, никакого оправдания. Это — бунт черни, отравленной завистью и злобой, развращенной бессовестной демагогией, с реками крови и грязи. Революцию никак нельзя осмыслить, разве только при свете самой мрачной и безнадежной эсхатологии, как смертные судороги разрушающегося мира. И остается одна безнадежность при отсутствии всяких исторических перспектив.

Светский богослов: Так безнадежно я еще не смотрю, потому что вижу в революции но преимуществу кризис петербургского периода русской истории, и нас может еще спасти и оздоровить возвращение к национальным началам. Правда, болезнь принимает все более затяжной и угрожающий для жизни характер.

Беженец: Всякая болезнь опасна для жизни, это еще полбеды, насколько это в порядке вещей, лишь бы самая-то болезнь была болезнью роста, а не упадка и истощения. И вот я не знаю, как вы мыслите относительно своих “национальных”, то есть старомосковских, начал: ведь по-вашему выходит, что однажды в истории они уже провалились, когда “пред новою столицей склонилась древняя Москва”, и уж как теперь в “Интернационале” собирать и осуществлять их, это секрет изобретателя.

Светский богослов: Неуместная ирония: разумеется, если мерить теперешними “искателями жемчугов”, так ничего, кроме спекуляции, в России и ждать нечего. Но схлынет же эта грязная волна и в отстоявшейся жизни засияют все те же прежние начала: Православие и народность. Но вы-то что хотите сказать, говоря о кризисе Херсониса?

Беженец: То и хочу именно сказать, что теперь происходит самый глубокий и всесторонний кризис всей русской жизни, самых ее основ духовных, и в отношении к нему подчиненное и производное место занимают все частные кризисы, бывшие наши революции сверху ли или снизу. Теперешний кризис все их в себя включает и собой обобщает. Надо быть послушным гласу Божию, внимать мудрости события и вычитывать и них суды Божии. На весах правды Божией взвешивается ныне правда и неправда всего исторического пути России, а не отдельных исторических эпох, — дары Херсониса.

Светский богослов: Да что же вы, наконец, разумеете под этими дарами, кроме чистоты Православия?

Беженец: Извольте, я вам объясню, только заранее прошу терпения и самообладания. Да в Херсонисе мы родились духовно и исторически, ибо приняли Православие, точнее христианскую католическую веру, сделались ветвью единой Вселенской Церкви. Этим мы не только родились для вечной жизни, но и определились к историческому бытию, как часть единой христианской Европы, в которой имела зажечься христианская культура. Россия зародилась здесь как христианская европейская страна, имеющая свои особые пути и особые судьбы, которые, однако, нераздельно связаны с судьбами всей христианской Европы. Варварское отъединение окончилось, дикая “Русь” стала членом христианской семьи народов, она получила христианское родство и свойство, вчерашний язычник и варвар стал homo christianus, а перед лицом таинственного и тогда еще гуманного будущего что значило и homo eugoreus, и это тем более, что тогда не было еще разных исповеданий в христианстве.

Светский богослов: Зачем вы смешиваете карты: разделение Востока и Запада было уже и тогда и по воле Божией наше Отечество приняло именно восточное Православие.

Беженец: Именно к этому я и подхожу, к херсонисским началам. Россия действительно приняла христианство от Византии, она сделалась ее духовной и культурной дочерью, а во многом и наследницей. Посему кризис херсонисских начал есть, разумеется, кризис византийских начал, точнее, византийского Православия, как силы духовной, исторической и культурной. Если угодно, это действительно кризис — да и явная погибель “Третьего Рима” через семь веков после гибели “второго”. Но здесь обступает такое обилие волнующих мыслей, что положительно теряешься, с чего начать и к чему подойти.

Итак, в Херсонисе россы в лице святого Владимира приняли христианство восточного, византийского, обряда, который в течении веков сделался для нас родным и русским. Разделения Церквей, этого самого рокового и определяющего события во всей европейской истории, еще не существовало, но густая тень его уже надвинулась и омрачила солнце. То было время между Фотием и Михаилом Керулларием, родоначальником и совершителем раскола. Святые Кирилл и Мефодий, просветители славян, пребывали в единении с Западной Церковью, и мощи одного из них почивают в Риме, но просвещенные ими страны сделались игрищем соперничества, куда излился первый яд совершившегося раскола.

Итак, Россия была присоединена к Единой Церкви — до схизмы, вне схизмы, в которой она неповинна; ее не знала, не понимала, не могла понять и однако ею была отравлена. В детском состоянии она была обучена всем предрассудкам, какие накопились у греков против Запада, и, как наследственная болезнь, была воспринята эта вражда и предубеждение — безо всякого сознательного отношения к тому. Вместе с принятием христианства от греков в этот роковой и страшный час истории Россия приняла и всю византийскую замкнутость и ограниченность, она китайской стеной оказалась отделена от всей Западной — христианской — Европы, культурно она осталась изолирована и одинока, особенно после политической смерти Византии, когда последняя перестала существовать как культурная сила, да и поныне, со всем православным Востоком, остается только придатком к России. Россия была здесь, в Херсонисе, поставлена под стеклянный колпак и осуждена на испытания одиночества и отъединения. Разумеется, никто не мог тогда прозреть судьбы Божия и постигнуть все значение совершившегося выбора веры, который летописец приписывает великому князю Владимиру.

Но здесь, в этом выборе, исторические судьбы России определились как трагедия, трагедия культурного одиночества и обособления, как крестный путь. Да, это античная трагедия, в которой трагическая вина совершилась помимо чьей-либо личной воли и, однако, все предопределила. Западные народы, в то время еще полуварварские и высокомерно третируемые высокомерными греками, постепенно, из себя, развивая свои христианские потенции, шаг за шагом создавали могучую цивилизацию, затрачивая на нее все свои духовные силы, со всем их борением. Россия осталась вне этого труда и этого общего борения, наследница и ученица Византии. Никогда отношения к ней Византии не были теплы, искренни, сердечны, но всегда холодны, высокомерны, бездушны. Раньше Византия боялась и презирала диких и страшных россов, как и других варваров, а затем их

эксплуатировала как только могла. Различие культурного возраста между ними было так велико, что исключало всякую мысль о дружеском сотрудничестве, о котором, впрочем, Византия не хотела слышать даже и относительно Запада. Византия обладала уже склонявшейся к упадку переутонченной цивилизацией, совершенно развращенной и изолгавшейся магистратурой и высшей иерархией, в расцвете византийского схоластического просвещения, которого одним из самых ярких представителей был роковой для всего мира Фотий.

Разумеется, дикие россы могли быть только неуклюжими перенимателями внешности византийского обряда, столь пышного и прекрасного, совершенно не способными были воспринять греческую культуру, поневоле принимая цветы ее — в богослужении. А греки были к тому же плохие, равнодушные и ленивые, главное же — слишком корыстные педагоги. Они были заинтересованы во власти и доходах, а не душах и их христианском просвещении. Поэтому русское христианство на долгое, долгое время обречено было на обрядовое, причем пышный, веками сложившийся греческий обряд, доведенный до совершенства в Великой Константинопольской Церкви, был, в сущности, совсем не по средствам — и материально и духовно — дикарям русским, и тогда уже поболее чем 1000 лет после крещения Руси ныне предстала пред нами как будто не бывало ни Киева, ни Херсониса... Да, греки дали нам невероятные ценности своего гения в греческом богослужебном обряде, но ценить его не научили, да и не могли научить. В Россию были посланы греческие епископы и священники, и несколько веков Россия была Византийская епархия, имевшая в Византийском Патриархе своего Папу, ибо, конечно, притязания Фотия и фотианцев к этому византийскому панству, впрочем пресмыкавшемуся перед императорской властью, долго и сводилось. Будь на месте греков другие, например “латиняне” с их ревностью, умением, энергией, разумеется, дело христианского просвещения в России приняло бы иные черты и Россия, быть может, оказалась бы действительно христианской просвещенной страной. По греки к этому не были способны. Они оставались чуждыми в России, и с татарским нашествием связь с Византией стала ослабевать, пока, наконец, не удалось от нее откупиться. После падения Византии Восточные, а в частности и Константинопольские, Патриархи, превратились в настоящих “милостынесобирателей”, которые за мзду были на все готовы и играли иногда в русских делах самую печальную и двусмысленную роль (например, в истории русского раскола).

Светский богослов: Ба-ба-ба... так вот кого мы слышим: сам Чаадаев с своим новым изданием — Владимиром Соловьевым — ныне нас снова поучают. Старые знакомые. Вот уже правду говорят, что новому не научаемся, а старое не забываем, а уже если что только и достойно одного забвения, как вот эта чаадаевщина ваша... Гонение на византизм, что значит — видеть свет...

Беженец (горячо): Если на небесах трубят апокалипсические трубы, гремит гром и звучат голоса, им нужно внимать и себе самому, а не старую литературную жвачку отгрыгивать и пережевывать. И знайте — хотите слушайте, хотите не слушайте, — но все, что вам говорю, родилось не из книг, а от слезных дум, от ночей бессонных родилось в душе как новое рождение, как чудо: в сие лето Господне, от Р. Х. 1922, в ночь на октябрь 4-го, была на мне рука Господня, и повелел мне Господь возвещать волю Его, и в такой степени неожиданности для себя самого, в такой отвратности от всего привычного, что трепетал я и извивался как червь перед лицом Божиим. Но словно новый свет пал на ветхие письмена, и по-новому уразумевался смысл их и читалась книга чудес Божиих... Причем здесь литературные влияния? да разве у нас остались литературные величины и авторитеты, которые бы не обесценила и не поставила под вопрос революция?

Светский богослов: Ах мне эти пророки и ясновидящие, и чего только именем Божиим не возвещают они, иногда чтобы самим же немедленно от того отказаться. Аввакум все свои темные бредни именем Божиим пророчествовал. А все таки Чаадаев и Соловьев в ваших словах повторяются.

Беженец: Пусть и так, худого в этом ничего нет и отречься не буду. Итак, Россия сначала попала и под власть и под гипноз Византии, а затем, когда она развалилась, подросшая и государственно осознавшая себя Россия сама стала притязать на роль Византии, объявила себя “Третьим Римом”. Злые чары сохранили свои силы вполне, и только по-новому распределились роли. А знаете настоящее имя этим чарам? “Греко-российство”, в котором сначала жирными буквами печаталась первая часть: грека, а

мелкими Россиянство, а затем стало наоборот: крупно — Россиянство и мелко — греко. А суть та, что Церковь Вселенская, или католическая, есть только Греческая или только Российская Церковь. Только в России чистое Православие, то есть христианство, только русские православные, то есть христиане (“крестьяне”). “святая Русь”. Вот это-то опаснейшее отождествление вселенского и местного, церковного и народного, которое в букете своем и дало пресловутое соединение национальных начал: Православие, самодержавие и народность, оно и создало невыносимо душную атмосферу Московской Руси — Третьего Рима. При низком уровне развития религиозного сознания догматические вопросы были почти не под силу “Третьему Риму” и его религиозная энергия могла вылиться только в области обрядоверия и породила, раскол, в котором одинаково характерно отношение обеих сторон: и та, и другая чистоту Православия связывает с условностью изменчивою обряда. И это в то время, когда Европа, имея уже позади изумительные подъемы Средних веков, работу схоластики. Данте и Фому Аквината и подобных, вступила в эпоху Возрождения и напряженнейших реформационных споров о вере. Ведь в одном артикуле любого реформатского исповедания было больше догматической глубины и церковности, нежели в этих бесконечных обрядоверческих пререканиях. И при этом роковая византийская замкнутость и самомнение: мы — “Третий Рим”. Иван Грозный как наместник византийских кесарей и, в качестве православного царя, глава православного государства всего мира — таков чудовищный парадокс русского церковного самосознания. Но суды Божии ответили на эту дерзость сынов человеческих карами и испытаниями Смутного времени. Однако и после этих испытаний в русскую жизнь не вошло ничего нового; вернее, восстановились излюбленные вами национальные начала, а в сущности все осталось по-старому, об этом свидетельствует хотя бы все движение раскола, в связи с характерными притязаниями Патриарха Никона, который, силой вещей, внутренней логикой “греко-российства”, подменяющего собой вселенское церковное сознание, в сущности, притязал, подобно и своим византийским образцам, стать русским Папой. Это конечно не личное только властолюбие, но логика патриаршеской русской власти вела к этому, по справедливой оценке Петра Великого.

Но все равно мене, текел, фарес для “Третьего Рима” было уже начертано, Россия московских царей и Никона и Аввакума на историческом экзамене провалилась, она уже не могла существовать. Развалилась бы как Византия, если бы не сошла со своего духовного пути, не отказалась от своего “греко-российства”, от “Третьего Рима”. Россия не могла существовать изолировано от Западной Европы, херсонисский колпак должен быть разбит, и его разбили копыта Медного всадника. Реформатор России, упразднивший патриаршество и заменивший его коллегией, был и реформатором в смысле духовном. Реформа Петра была действительно русской реформацией не потому только, что она фактически поставила Россию лицом к лицу именно с Реформацией, но именно потому, что Петр фактически разрушил “греко-российство”, он сделал Россию одной из многих, а не той единственной, “Третьим Римом”, каким она себя осознавала. И сам он при этом стал из “православного царя” “всероссийским императором”, то есть секуляризовал свою власть. Вообще, хотя догматически Петр не провозглашал никакого нового догмата — наша мысль была слишком неразвита для догматических споров, — но жизненно он насаждал в России Протестантизм, религию повседневного труда, земных задач и временных дел без всяких духовных перспектив. И с этим протестантизмом жизни, а не мысли так и не справилась, даже больше скажу — и не боролась Русская Церковь, капитулировавшая перед врагом раньше. Но есть в делах Петра, помимо протестантизма, еще и другое начало, в котором он является орудием Высшей Воли, органом вселенского церковного сознания. В его решительном повороте к Западной христианской Европе выразилось и чувство Вселенской христианской Церкви, заглохшее в греко-российстве. Петр проломил херсонисскую ограду, воздвигнутую вокруг Русской Церкви Византией. Правда, он не открыл в ней врат, не знал их и не мог, не умел этого сделать, но он сумел внять велению истории, что часто и делает великого человека. С греко-российством было покончено, однако только фактически, идеологически все осталось нетронутым, а потому, кажется, и незбылемым.

Светский богослов: И остается незбылемым и поныне, ибо то, что вы изволите теперь называть “греко-российством”, есть Православие, которого, по непреложному обетованию Спасителя, не одолеют врата адовы.

Беженец: Этот вопрос мы пока оставим, теперь мы говорим о Херсонисе, как мы изживаем этот подарок феи при крещении: "греко-российство" в качестве вселенскости, иначе говоря церковный национализм или национальная Церковь. И отсюда как из духовного центра надо понимать все особенности русской истории, как бы далеко они казались, ни отстояли от Церкви или находились в диалектической противоположности с нею, как, например, протестантская реформа Петра. Вот и интеллигенция наша космополитическая, в которой вы видите главное зло и несчастье России, и она имеет свои духовные истоки в том же Херсонисе, хотя и сама о том не подозревает...

Светский Богослов: Новейшее открытие — поздравляю. В вечной погоне за пикантностями чего только не выдумаете. Л уж если искать эти духовные истоки российской, хотя оттого отнюдь еще не русской интеллигентщины, смотрите на карте южнее Херсониса, там — у побережья Тира и Сидона, в земле обетованной. А Херсонис лучше совсем оставьте в покое.

Беженец: Даже если и ввести указанную вами этнографическую контрабанду, которая обычно приводится под флагом Интернационала и космополитизма, все равно остается вопрос о причинах успешности его влияния, которые могут быть поняты только из благоприятствующей среды. А эта среда все-таки вскормлена и подготовлена наследием Херсониса. И чтобы быть справедливым, нужно в уродливом и жалком образе российской интеллигенции понять и ее правду, которую она не умеет выразить на своем жаргоне и осознать.

Светский богослов: Ни о какой правде в интеллигенции не может быть и речи у этих выболтавшихся, изолгавшихся, никчемных обезьян.

Беженец: Если они так ничтожны, почему же им дано было развить такую силу, хотя бы и в разрушении, почему они оказались бациллами революции. Никто не будет отрицать, что холерная бацилла есть хотя и злая сила, но сила, которая в себе имеет запас жизненности и энергии, ее-то и надо разгадать. И мне кажется, что, хотя интеллигенцию принято винить в беспочвенности, она есть явление в высшей степени почвенное в такой же мере, как породивший ее церковный национализм, то есть дар Херсониса. Она есть, его тень или, по Гегелю, диалектический антитезис.

Светский богослов: Интеллигентщина — это заразная заморская болезнь, завезенная к нам из Палестины и Европы, как сифилис и алкоголь прививаются дикарям, и только всего.

Беженец: Я не люблю — не меньше вас — эту интеллигентщину, тупую, глупую, самодовольную, неспособную ничему научиться, и все-таки я должен признать в ней историческую силу подобно тому, как не могу не признать ее в протопопе Аввакуме и во всем русском расколе. И там, где закономерны Аввакумы — все равно в среде раскольников или никонианцев, — там столь же закономерна и космополитическая интеллигенция, и даже больше скажу: она ближе к вселенскому христианству, нежели аввакумовщина.

Светский богослов: Говорить об интеллигенции в религиозных терминах невозможно.

Беженец: Напротив, необходимо: иначе как в религиозной плоскости она и не может быть понята. Судите же: вселенская религия всех языков, всенародная и сверхнародная, осознана исключительно как московское Православие, "Третий Рим" (даже и греческое Православие взято под сомнение), христианская вера стала русской верой, которая должна быть соблюдена в неприкосновенности до соблюдения всякой орфографической ошибки. Судите сами: свойственно ли великому народу и его религиозному гению вполне удовлетвориться таким религиозным самочувствием и непониманием, или же в нем должна была с не меньшей силой подняться встречная волна вселенскою, католическою, сверхнародного и воистину церковного сознания. Только на скверном жаргоне интеллигенции все эти великие и святые идеи быстро пропахли чесноком, который во всех случаях христианского замешательства всегда налицо, и превратились в космополитизм, Интернационал, социализм и подобное. Инстинкт, однако, остается верным: интеллигенции суждено было нечленораздельным языком ослицы исповедовать истину Вселенской Церкви против националистической ереси Третьего Рима. В этом исторический смысл столкновения Петра Великого с Московской Россией и, позднее, идейной борьбы славянофильства и западничества.

Светский богослов: Содержание этой борьбы определяется борьбой веры против неверия, христианства против безбожия, вскормленного западным Протестантизмом, этим законным порождением западного же Католицизма. В том-то и заключается историческое наше несчастье. что мы отравляемся сильнейшими и опаснейшими ядами, в которых мы неповинны, происходит историческое братоубийство — Каин снова убивает Авеля своими удушливыми газами.

Беженец: Нельзя допускать себя до самоослепления враждой. Против религиозного национализма в христианстве интеллигентский космополитизм утверждает свою религиозную правду, хотя и такую же однобокую. Борьба славянофильства и западничества идет у нас, начиная с Херсониса с тех самых пор, как мы приняли от греков яд религиозного национализма, или “греко-российства”, и стали по-детски, как попугаи, повторять вслед за ними длинные списки латинских ересей и бояться каждого западного христианина. Это отношение не то страха, не то самообороны проходит через всю нашу церковную историю, а в идеологии славянофильства и западничества достигает своего осознания. И ведь наше западничество не нигилистами только одними исчерпывается, оно знает и Чаадаева и Владимира Соловьева, — других лучше не буду называть, чтобы не раздражать.

Светский богослов: Да и названные вами суть вполне определенные отщепенцы, которые, впрочем, в значительной мере покаяться в своих заблуждениях.

Беженец: Не знаю... Вызовите мысленно тень Чаадаева и сделайте его нашим современником: захотел ли бы он отказываться теперь от “Философических писем”, в которых дал такой проницательный диагноз русской болезни? А вот положение новейших Филофеев, мечтателей “Третьего Рима”, наших религиозных националистов “Третьего Рима”, славянофильствующих богословов, было бы совершенно безответно, над ними уже произвела свой страшный суд история. Впрочем, не одни они, вся русская литература без всякого исключения устарела после происшедших событий, вся она принадлежит к предыдущей исторической эпохе, одинаково устарел и Герцен, и Достоевский, и Белинский, и Константин Леонтьев—общая участь. Нельзя повторить ни одной старой фразы или суждения без нового специального оправдания... Нам теперь не у кого научиться понимать Россию, надо своим умом жить.

Светский богослов: Беда, коли его еще при этом нет, и он подменяется, насколько вижу, новыми книжками и новыми трафаретами. Я, впрочем, с своей стороны думаю, что духовные отцы наши, славянофилы, не умерли и не думали умирать, они живут с нами и попрежнему учат нас и пророчествуют о России.

Беженец: Я и не говорил, что они умерли, все действительно живое никогда не умирает, и живут с нами и учат нас и наши мысли гели, по только они уже не наши современники, их мысли мы должны переводить на свой язык, они не успокаивают наших болей, да и сами выступают перед нами не только в своей духовной мощи, но и в своей исторической ограниченности. Об этом, однако, мы еще поговорим особо, а сейчас возвратимся к русскому космополитизму. Вот Достоевский в предсмертной речи о Пушкине, да и много раз, говорит о русском асе-человеке, который жаждет обнять и соединить в себе все народы. Насколько это не есть сентиментальная мечтательность в Достоевском и насколько речь идет здесь не просто о бесхарактерности и безличии русского народа, поэтому без сопротивления подчиняющегося всякому крепкому народу (есть и это в нас, чего греха таить)! Достоевский говорит здесь о вселенском христианстве, о Церкви, которая в себе объемлет все народы. Чувство церковности и есть чувство всенародности и сверхнародности.

Я не буду здесь останавливаться на том, насколько и как это всечеловечество в самом Достоевском сочеталось с исступленным религиозным национализмом. Но в России “Третьего Рима” для этих чувств и мыслей места, бесспорно, нет и не было. Но великому народу или но крайней мере большому пароду, которым всегда был русский, несвойственно и противоестественно питаться этой национальной исключительностью, какая свойственна народам малым, — я не говорю уже, что христианству, как бы ни было затемнено христианское сознание, это еще более противоестественно. Так чему же удивляться, если среди этого народа с неудержимой силой пробивалось и пробивается это самосознание и. не находя для себя религиозного русла, ибо его не было в староверии третьего Рима. оно пытается проложить себе новое русло. И таким образом из

неустранимой потребности христианского сознания и из здорового инстинкта великого народа возникает интеллигентский космополитизм, “всечеловечность”, западничество и подобное — довольно уродливый, сморщенный и кислый плод на христианском древе: но разве повинен плод, если к русскому дичку была сделана, одновременно с христианской, еще и “греко-российская” прививка. Интеллигенцию теперь необходимо включить в общецерковное сознание России и понять как один из ее диалектических моментов.

Светский богослов: Не могу на это согласиться, потому что в интеллигентщине вижу влияние нерусских и даже нехристианских элементов. Ведь не включите же вы в наше церковное сознание коммунизм Третьего Интернационала.

Беженец: Наличия чуждых и даже нехристианских влияний и я не отрицаю, но не вижу в них существа дела, это только симптоматика. как, а не что. И “Третий Интернационал” есть одна из многочисленных проекций на историческом экране, соглашаюсь—для нас с вами уродливая и отвратительная, того большого, великого даже, всечеловеческого чувства, о котором возвещал и Достоевский, но, для которого, повторяю, нет и не было законного исхода в нашей национальной религиозности. Именно “Третий Интернационал” нагляднее чем все другое обличает в себе эту жажду Вселенской сверхнародной Церкви: шедше научите вся языки... Мы забыли и разучились понимать эти слова на своем собственном языке и за это наказаны тем, что слышим их в устах чуждых, не умеем их сказать по-церковнославянски, как скажем их на жаргоне с отвратительным акцентом. Тем не менее надо понять и признать прямую связь, “Третьего Рима” и “Третьего Интернационала”, Херсониса и нынешней Москвы.

Светский богослов: Конечно, все в мире связано со всем, но не понимаю, какой вкус можно находить в этих натянутых сближениях: перед всей этой мерзостью вызывать священные и великие воспоминания...

Беженец (с живостью): Совсем напротив, только в таком масштабе и можно понять, а следовательно, в известном смысле и принять современность, а не преклониться лишь перед нею, как перед силою грубого факта. Все ужасы, которые творятся и творились в России, все бедствия, которые ее постигают, все испытания, которые выпали на долю нашего поколения, — все это становится естественно, закономерно и даже необходимо, если понять это не как историческую случайность, порождение измены и злой волн, но как глубочайший кризис всего исторического бытия великого народа, вступившего уже во второе тысячелетие существования, не кризис отдельной эпохи или отдельного класса, но самых основ всего исторического бытия. Это — первый настоящий кризис России, в котором борьба действительно идет между жизнью и смертью, испытываются самые основы исторического существования. Так разве может быть такой глубины и такого значения кризис иным? Я до тех пор испытывал смущение, замешательство, растерянность, злобу даже, пока не понимал смысла в происходящем, пока видел в нем одно лишь историческое несчастье. И я не мог освободиться от вражды и разочарования и в самом русском параде, который делался жертвой такого озверения и всяческого падения, пока я не понял, что с ним происходит, что он переживает и почему он это переживает. Может быть, мои мнения ошибочны, хотя иначе думать сейчас я не умею. Но факт тот, что лишь теперь я совершенно освободился от уныния и для себя пережил кризис. Смотрю вперед с надеждой и спокойно, потому что вижу, если не само еще будущее, то по крайней мере возможность будущего, а раньше не было и этого. А ведь как тяжело жить и без настоящего, и без будущего.

Светский богослов: Я по-прежнему не понимаю вас, но опасаясь, что вы ищете самоуспокоения в каких-то отвлеченных схемах.

Беженец: Не легко дается это самоуспокоение, потому что оно требует всеобщей переоценки и проверки. Ведь все мы русские крестились в Херсонисе, получили его помазание, рождены под его звездой. Увидеть и осознать в себе свою собственную ограниченность в том, во что привык свято верить и слепо чтить, познать только местное предание, ах, как это нелегко, но без этого нельзя от него и освободиться. Критическое время требует и героических усилий. Было время в истории, когда Бог сказал избраннику Своему: “<...> пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе” (Бытие, гл. 12. ст. 1). Всего совлечься, самого близкого, дорогого, родного: преданий родины, рода, семьи. Но таково непреложное веление Божие, и отец верующих нашел в себе силу, мужество, веру и — повиновался. Может быть, и от нас

требуется подвиг Авраама: совлечься себя, увидеть себя в своей исторической ограниченности и тем себя перерастить. Ведь зерно пшеничное не даст плода, если не умрет. А разве легко умирать и умереть? Ведь мы уже давно как будто умираем. Но надо умирать как зерно, чтобы в груди дрожали силы новой, пробуждающейся жизни... Изыди из земли своей и из дома своего... Знаете, что это значит? Изыди из Херсониса.

Мы живем в век всяких ревизионизмов, и многое мы уже проверили и просмотрели. Доходит очередь до самых корней: до Херсониса. Не от Белинского, не от Петра Великого, не от Москвы, не от Киева... — от Владимира Святого и Херсониса.

Ялта, 1923

^[1] *Впервые: «Символ», Париж, 1991. № 25. Июль. С. 167— 342.*